

## ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

*Л.А. КОЗЛОВА*

### **«БЕЗ ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИИ...»: СТАТУСНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В СССР, 1933–1935 ГОДЫ**

---

**Козлова Лариса Алексеевна** — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: (095) 120–82–57. Факс: (095) 719–07–40.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда гуманитарных исследований (грант № 00–03–003236а).

Автор выражает признательность Г.С. Батыгину за обсуждение архивных материалов, а также предварительной версии данной статьи.

---

Социальный институт науки включает в себя «инфраструктуру» — институции и функционально-ролевую иерархию, «человеческие» ресурсы, а также текст науки (письменный и устный), артикулирующий совокупное знание. Институты науки относительно независимы от ее «человеческого» компонента. Иными словами, развитая инфраструктура науки сама по себе не обуславливает возникновения нового результата и при определенных обстоятельствах может подавлять «человеческий» компонент. В таких случаях институции превращаются в некие «институциональные шаблоны» — организационные формы, вписанные в социальную структуру общества и власти. Их существенные свойства фактически не зависят от идеологии и общественного устройства. В них определены социальные роли участников, например, установлены ученые степени и звания, однако сами эти роли маркируют прежде всего соответствие работы ученого институциональному шаблону, а не ее «реальную» ценность. Институциональные шаблоны содержат не только явные и латентные функции, но и функции имитационные, фиктивные или компенсаторные. В этом отношении отсутствие ученых степеней у выдающихся исследователей является своеобразной нормой нарушения нормы<sup>1</sup> так же, как и их наличие у малообразованных людей, волею случая включенных в научное сообщество. Нередко институты науки служат средством реализации вненаучных задач (распределительных, воспитательных, контрольных). Такова советская модель организации науки, которая поддерживается в качестве государственного сегмента и в посткоммунистический период.

В деятельности любого научного сообщества, сколь бы свободным оно ни было, возникают статусные номенклатуры. В советской истории это нашло выражение в создании иерархии ученых степеней и ученых званий после ликвидации «сословных различий», предусмотренных одним из первых декретов большевистской власти. Было ли восстановление «диссертаций» как формы легитимации научного ранга при советском режиме обусловлено давлением власти или можно говорить о встречном движении власти и научного сообщества? «Диссертация» представляла собой форму селекции и границу, отделявшую научное сообщество от «большого» советского общества, но в то же время играла роль промежуточного институционального шаблона, который предусматривал присвоение научного ранга «без защиты диссертации» с последующим повышением общественного статуса и уровня благосостояния. Рассматриваемая в данной статье историко-научная проблема может быть сформулирована в виде вопроса: кто и почему входил в высшие профессиональные эшелоны науки и образования без защиты диссертации?

\* \* \*

В дореволюционный период в России действовала система научной и педагогической аттестации, созданная в результате заимствования регламентов европейских, прежде всего немецких, университетов. До начала XX века ученые звания присуждались только в стенах университетов. В высших учебных заведениях технического профиля, где на первом месте стояло преподавание практических знаний, научной аттестации вообще не было. Приоритет отдавался инженерным дисциплинам, в то время как общественные науки объединялись под названием «юриспруденция». Первыми профессорами обществоведения были С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков, которые с 1761 г. прошли курс обучения в университете Глазго и удостоились там ученых степеней докторов наук без защиты диссертаций. На родине они получили звания экстраординарных профессоров [1]. До последней четверти XVIII века решающую роль в присуждении ученых степеней играло само академическое сообщество, которое, следуя идеалу «автономности и свободы образования» использовало публичные формы аттестации — экзамены, диспуты, оценку диссертаций и т. п. «Неформальный» период развития графикационной системы продолжался фактически до начала XIX века.

Система научной аттестации содержала и прагматический компонент: она влияла на сословный статус преподавателей, а следовательно, и на их благосостояние. М.В. Ломоносов в 1755 г. писал: «Профессоры в других государствах, не взирая на их великое довольство, имеют, во-первых, чины знатные и всегда выше или по последней мере равно коллежскими асессорами считаются, второе, ободряются к прилежному учению не токмо произведением в чины, но и возвышением в знатное дворянство, так что нередко бывают за особое достоинство произведены по первому в Тайные советники, по второму в фрейгеры или бароны». Униженное, по сравнению с чиновниками, достоинство отечественных профессоров, продолжал Ломоносов, ведет к «помешательству в размножении учения» [2, с. 15].

Первым законодательным актом, вводящим ученые степени (1803 г.), устанавливалось соответствие между ними и Табелью о рангах: если на государственную службу поступал кандидат, то он получал чин XII класса (гу-

бернский секретарь), магистр — IX (титулярный советник), доктор — VIII (коллежский асессор) [2, с. 55]. В середине XIX века было законодательно оформлено соответствие между ученой степенью и сословным положением: например, кандидат из мещанского сословия становился «личным почетным гражданином», а магистр или доктор получал «личное дворянство». В университетском уставе 1884 г. зафиксировано соотношение чинов и должностей для обладателей ученых степеней: «ректор — IV класс (действительный статский советник), декан и ординарный профессор — V класс (статский советник), экстраординарный профессор — VI класс (коллежский советник); преподаватели низшего ранга — VII–VIII классы (надворный советник, коллежский асессор)» [2, с. 60].

По всей вероятности, требования, предъявляемые к государственному чину профессора, были невысоки. Понадобилась экспертиза научной компетентности претендентов на университетские должности. Министр народного просвещения А.Н. Голицын отмечал, что места профессоров и адъюнктов часто занимают лица «без достаточных доказательств о способности для занятия оных», и «легкость, с какой получают сеи места, привлекает столь много искателей, а вместе уничтожает и цену самих званий» [2, с. 58]. Голицын настаивал на том, что профессором может стать только ученый, защитивший докторскую диссертацию. Фактически же принцип защиты диссертации в дореволюционной России так и не утвердился. С 1803 по 1819 гг., а затем с 1863 г. и впоследствии действовал институт почетных докторов (возобновившийся и в 1930-е годы), то есть «мужей, известных своей ученостью и сочинениями, или отличившихся в государственной службе в иностранных землях и в Российской империи» [2, с. 62], но не защитивших докторскую диссертацию. Очередность присвоения ученых степеней и присуждения ученых званий нарушалась и иными «законными» способами: так, университетским уставом от 1884 г. была упразднена должность доцента; чтобы не потерять опытных педагогов, пришлось бывших доцентов перевести на должность экстраординарных профессоров с обязательством защитить докторские диссертации. А в 1902 г. Министерство просвещения разослало по университетам циркуляр, в котором разрешало временно замещать профессорские должности магистрами, взяв с них обязательство в течение трех лет после этого назначения получить ученую степень доктора наук [2, с. 59].

Коммунистическая атака на систему распределения научных статусов началась в 1918 г. Дело заключалось не столько в «перевоспитании буржуазной профессуры», сколько в установлении равного доступа к образованию и уничтожении сословных привилегий, к числу которых относилась и привилегия быть образованным. Замнаркома просвещения М.Н. Покровский составил тезисы, определившие политику режима в сфере науки и образования. Суть программы Покровского заключалась во введении бесплатного обучения; уничтожении дипломов как документального свидетельства привилегии (отныне дипломы не требовались для поступления в университет, равным образом, не выдавались при окончании университета), уничтожении ученых степеней, открытом конкурсе для замещения должностей на кафедре, выборности профессуры на срок не более 5 лет, коллегиальности управления как университетом, так и всеми его учреждениями, обязательном участии учащихся в управлении университетом, обязательном участии универ-

ситетов в распространении «научного образования» среди широких масс, создании факультетов общественных наук для разработки и распространения идей научного социализма и ознакомления широких масс с переменами в общественно-политическом строе России, автономии университетов «в деле дальнейшей организации учебной части». Последний пункт тезисов, по свидетельству М.Н. Покровского, был «изничтожен» В.И. Лениным, который «не выносил и мысли о каких бы то ни было буржуазных автономиях» [3, с. 98]. Хотя в начале 20-х годов ни у высшего политического руководства (Ленина и Троцкого), ни в наркомате просвещения не было четких программ реформирования науки, цели были ясны: расформировать буржуазный профессорско-преподавательский корпус, введя принцип всероссийской курсной выборности преподавателей.

В 1920–1930-е годы в России проводилась полная реорганизация существовавшей науки и строительство иерархической структуры, способной управлять этим процессом. А потому здесь потребовалась суровая дисциплина партийно-правительственных приказов и установлений, хотя короткий «неформальный период» все же был. Создание советской гратификационной системы имело сугубо административно-хозяйственные цели. Достаточно отметить, что реорганизация науки в 1930-е годы и, в частности, введение ученых степеней и званий напрямую связывалась с народно-хозяйственными планами. Показательно, что главным органом, утверждавшим их, в рассматриваемый период была Высшая аттестационная комиссия при Всероссийском Комитете по Высшему техническому образованию (ВК ВТО), в непосредственном ведении которого находилась не фундаментальная наука, а в первую очередь прикладные, технические, отрасли знания.

Общественные науки представляли собой специфическое образование. Аттестационная система того времени должна была отвечать целям народно-хозяйственного строительства, которые философия не могла решать напрямую, а только опосредованно, через идеологию. Таким образом, общественные науки остались «на обочине» научной аттестации: знаки отличия в общественных науках присваивались преимущественно на основании заслуг в борьбе на идеологическом фронте или за народно-хозяйственную деятельность, то есть отличались выраженным номенклатурным характером. Такому положению способствовала еще и некоторая ущемленность общественных наук со стороны высших аттестационных органов науки и образования, отдававших приоритет точным и естественным наукам, приближенным к производству. Не исключено, что мининский призыв «Философию за борт!» нашел отклик в руководящей партийной интеллигенции.

В середине 1930-х годов лидирующее положение в системе научной гратификации заняла Всероссийская комиссия по высшему техническому образованию (ВК по ВТО), что находилось в полном логическом непротиворечии с задачей по сближению науки и производства, но ущемляло права философии на вхождение в аттестационную систему. Случилось так, что философии какое-то время пришлось доказывать свою равноправность с техническими и другими прикладными науками в сфере научно-педагогической аттестации. В частности, процессуально это выразилось в противостоянии Комитета по заведованию учеными и учебными учрежде-

ниями ЦИК СССР (Ученого комитета), в ведении которого находились главные учебные заведения социально-гуманитарного профиля, и ВК ВТО.

Ликвидация дореволюционной системы гратификации преследовала главную цель – расформировать буржуазный профессорско-преподавательский корпус, введя принцип всероссийской конкурсной выборности преподавателей, а вместе с этим – ликвидировать буржуазные программы и лекционные курсы по общественным наукам, заменив их марксистскими. Первым законодательным шагом был декрет Совнаркома от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики» [4]. Этим декретом упразднились ученые степени доктора и магистра, ученые звания адъюнкта и приват-доцента, отменялась иерархия профессорских званий — заслуженный, ординарный, экстраординарный, адъюнкт-профессор и доцент. Всем лицам, самостоятельно ведущим занятия в вузах, автоматически присваивалось звание профессоров, остальным — преподавателей. Приват-доценты, проработавшие в этой должности не менее трех лет, также получали статус профессоров.

Устанавливался срок пребывания профессоров и преподавателей на своих должностях: те из них, у которых к 1 октября 1918 г. истекал 10-летний стаж работы в данном вузе, а также те, у кого общий педагогический стаж составлял 15 лет, освобождались от занимаемой должности с 1 января 1919 г. Восстановиться в должности они могли лишь на основе Всероссийского конкурса. Штатные профессора переизбирались через 10 лет работы, преподаватели – через 7, сверхштатные профессора и преподаватели – через 5 лет. Научные сотрудники утверждались только на 3 года и могли быть переизбраны лишь в особых случаях и всего на один год. Первые Всероссийские конкурсы показали, что эксперимент по скорейшему расформированию профессорско-преподавательского корпуса не удался: заведующими кафедрами преимущественно избирались уволенные профессора. Более того, решающего обновления профессуры кафедр не произошло и в ходе переывборной компании 1929 г. [3, с. 344].

Вплоть до 1934 г. отсутствовала система оценки научной квалификации преподавателя. Предполагалось, что преподаватель, особенно преподаватель высокого ранга, имеет «научные успехи». Ученая степень не являлась обязательной даже для профессорской должности. Чтобы поднять научный уровень преподавателей, с 1925 г. в стране ввели институт аспирантуры, в котором предполагалась публичная защита научной работы на совете факультета. Но это еще не была защита диссертации, а следовательно, ученые степени не присуждались, хотя необходимость их введения обсуждалась со второй половины 1920-х годов.

Первым юридическим актом, узаконившим разделение научно-образовательных градаций на ученые степени и ученые звания, было Постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях», принятое 13 января 1934 г. [5]. На основе этого документа осуществлялась аттестация преподавателей в 1933-1935 гг. В нем допускалось присвоение ученого звания доцента и профессора без предварительного получения соответствующей ученой степени, но на основании «заслуг» перед наукой (наличие научных работ) или народным хозяйством. Такое допущение давало широкие возмож-

ности занимать должности профессоров, доцентов и заведующих кафедрами лицам, не имеющим не только ученых степеней, но подчас и высшего образования. Только в постановлении СНК СССР от 20 марта 1937 г. «Об ученых степенях и званиях», в основных пунктах повторявшем предыдущее, указывалось, что звание профессора присваивается лицам, имеющим ученую степень доктора и ведущим основную преподавательскую или руководящую исследовательскую работу в вузах или научно-исследовательских учреждениях [6].

Конституирование аттестационной системы философии и социальных наук в рассматриваемый период имело некоторую специфику, обусловленную статусом данных дисциплин в вузах и научных учреждениях страны, а также значением, которое им придавалось в руководящих научно-образовательных и партийных органах — Наркомпросе, ВК ВТО, ЦК ВКП(б), ЦИК СССР и др. Особенно опасными казались общественные науки. С 1919 г. началась их активная реорганизация. Попытка изменить учебные курсы, отстранив от преподавания буржуазную профессуру, не удалась. Тогда приняли решение расформировать учебно-образовательные институты, в которых преподавались социально-философские дисциплины. Так, в 1919 г. возникли Факультеты общественных наук (ФОНы), заменившие университетские и вузовские факультеты социально-гуманитарного профиля.

В ФОНах преподавали по специальным общеобразовательным программам, одинаковым для вузов любого профиля, но несколько расширенным и содержащим разделы по основам марксистского знания, или «политминимум». Программа минимума по общественным наукам включала изучение развития общественных форм, исторического материализма, истории пролетарской революции, политического строя РСФСР, организации производства и распределения в РСФСР [7]. Чуть позже по указанию В.И. Ленина в программы ФОНов включили раздел о плане ГОЭЛРО. Фактически на этих факультетах преподавались основы политической грамоты. Положение усугублялось тем, что для специфических фоновских программ не нашлось профессиональных лекторов. К чтению лекционных курсов по разнарядке партийных организаций привлекались «подготовленные марксисты» из числа партработников. В Агитпропе ЦК ВКП (б) существовала специальная комиссия по учету и распределению лекторов.

Образовательной функцией в сфере общественных дисциплин ФОНы не ограничивались. В 1924 г. при ФОНе 1-го МГУ была создана Российская ассоциация научно-исследовательских институтов по общественным наукам (РАНИОН), поначалу включившая шесть институтов — экономики, советского права, языковедения и истории литературы, археологии и искусствоведения, философии, экспериментальной психологии, сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока. Позже в состав РАНИОН вошли институты этнических и национальных культур народов Востока, землеустройства и переселения, сельскохозяйственной экономики [3, с. 237]. Создание ассоциации институтов во многом обуславливалось нехваткой марксистских кадров и необходимостью контролировать и координировать деятельность общественно-научных подразделений. В функции РАНИОН входила организация и проведение научных исследований, связанных с потребностями хозяйственной и государственной жизни страны, подготовка научно-

преподавательских кадров, пропаганда марксистских знаний в области обществоведения, координационно-методическая работа. Ассоциация существовала до 1929 г. Работу ФОНов предполагалось завершить в 1924-1925 гг., но они, не имея замены, частично просуществовали до 1929 г.

Этапными в статусной организации философии и общественных наук можно считать 1930-1931 гг. В этот период проводится отраслевая реорганизация вузов. На основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г. «О подготовке технических кадров народного хозяйства» [8] и Постановления ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» [9] начали «коренную перестройку системы учебных заведений, подготовляющих кадры пролетарских специалистов». Предполагалось значительно повысить уровень подготовки кадров, чтобы он отвечал требованиям социалистической реконструкции народного хозяйства. В первую очередь это должны были быть специалисты инженерно-технического, строительного, механико-машиностроительного, технологического, сельскохозяйственного и других промышленно-хозяйственных профилей. Вузы и втузы страны приписывались к соответствующим Наркоматам и ведомствам.

Факультеты многопрофильных высших учебных заведений университетского типа реорганизовывались в самостоятельные отраслевые учебные заведения и переходили в систему соответствующих хозяйственных Наркоматов. Выделение из университетов технических, точных и естественнонаучных факультетов привело к тому, что к концу кампании 10 из 18 университетов страны распались [3, с. 285]. С 1930 г. многие факультеты гуманитарного профиля были выведены из состава университетов и реорганизованы в самостоятельные институты. Так, например, образовались Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ), Ленинградский институт истории, философии и литературы (ЛИФЛИ).

Однако окончательно вывело науку из стен университетов постановление СНК СССР, принятое 13 июля 1931 г. и определявшее профиль государственных университетов. Университеты приобретали сугубо технический профиль и становились средоточием подготовки научно-исследовательских и преподавательских кадров по естественным и физико-математическим специальностям. Социально-гуманитарные дисциплины были окончательно выведены за стены университетов и вернулись туда только во второй половине 1930-х годов. В 1933-1935 гг. с философией и социально-гуманитарными дисциплинами были связаны Институты красной профессуры — экономики, истории, философии, литературы и языка, советского строительства и советского права, мирового хозяйства и мировой политики, а также аграрный и подготовки кадров; Коммунистическая академия, факультеты педагогических вузов; некоторые институты Академии наук СССР.

Таким образом, в период отраслевой реконструкции высшего образования главную роль играли технические науки, привязанные к соответствующим Наркоматам и отраслям народного хозяйства. Видимо, этим определяется факт, что ведущая роль в создании гратификационной системы в период 1933-1934 гг. перешла в руки Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию (ВК ВТО) под председательством Г.М. Кржижановского.

Ситуация во многом определялась противостоянием ВК ВТО и Ученого комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР (Ученый комитет) за приоритет в руководстве гратификационной системой страны, в частности, создание постановления «Об ученых степенях и званиях» от 13 января 1934 г. В ведении Ученого комитета находились тогда все основные научно-учебные заведения социально-гуманитарного профиля — Коммунистическая академия с входящими в нее Институтами красной профессуры, Академия наук СССР [10]. 8 апреля 1933 г. состоялось совещание Комиссии Ученого комитета по рассмотрению проекта постановления СНК СССР «Об ученых степенях и ученых званиях». Им руководил заместитель председателя Ученого комитета Ю.М. Стеклов, присутствовали председатель УК А.В. Луначарский, а также его члены Коркмасов, Воробьев, Тер-Оганезов, Островитянов; от Академии наук СССР — Фрумкин и член Научного совещания Бессонов. Версию постановления разработал ВК ВТО при СНК СССР. В резолюции заседания записано, что собрание признало проект «недостаточно разработанным, неполным, исходящим из неверных установок» и просило СНК СССР создать специальную комиссию или специальное совещание по доработке постановления, включающие все заинтересованные ведомства, в частности, Ученый комитет ЦИК СССР, Академию наук СССР, Комакадемию. В резолюции записано также, что в случае отказа создать соответствующий орган Ученый комитет оставляет за собой право представить в СНК параллельный проект [11]. Этот проект был разработан, но во внимание не принят [12]. В связи с этим обращением председатель СНК В.М. Молотов предложил Г.М. Кржижановскому и А.В. Луначарскому создать комиссию под председательством последнего для обсуждения выдвинутого проекта. Комиссия разработала новую версию, которую представили в СНК СССР 2 июня 1933 г. за подписями Луначарского и Кржижановского.

После этого Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию внес в СНК свой проект постановления, радикально отличавшийся от обсуждавшегося и исправленного. Во второй проект (в отличие от первого) ВК по ВТО вообще не включил Ученый комитет в качестве органа, уполномоченного присуждать ученые степени и ученые звания даже в подведомственных ему учреждениях. Обсуждение было назначено на 16 октября 1933 г. По просьбе Ученого комитета СНК включил в заседание по обсуждению второго проекта постановления ВК ВТО его представителей — И.И. Шашкова (ответственный секретарь УК), В.Т. Тер-Оганезова и М.А. Савельева. Проект рассматривался дважды и несмотря на сопротивление представителей УК был окончательно утвержден 13 января 1934 г. в редакции, исключавшей участие в аттестационной деятельности Ученого комитета и дававшей широкие полномочия ВК ВТО и наркоматам соответствующих ведомств.

В общих положениях постановления «Об ученых степенях и званиях» устанавливались две единые для науки и образования ученые степени — кандидата и доктора наук, а также следующие ученые звания: ассистент (для научно-исследовательских учреждений — младший научный сотрудник), доцент (для научно-исследовательских учреждений — старший научный сотрудник), профессор (для научно-исследовательских учреждений — действительный член). Ученые степени определяли научную квалификацию



данного лица с точки зрения его специальности, объема знаний, степени самостоятельности его научной работы и научного значения последней. Ученые звания определяли должностную научную функцию (педагогическую или научно-исследовательскую), причем звание ассистента, не предполагавшее обязательной ученой степени, являлось предварительной ступенью для получения ученой степени и научного звания [13].

Для получения ученой степени кандидата наук требовалось успешное окончание аспирантуры или «сдача соответствующего испытания», публичная защита кандидатской диссертации, которая должна была показать общие и специальные знания в области данной дисциплины, а также способность диссертанта к самостоятельному научному мышлению. К получению ученой степени доктора наук предъявлялись следующие требования: иметь ученую степень кандидата наук, защитить докторскую диссертацию, показывающую самостоятельную исследовательскую работу с нерешенными проблемами, либо с «теоретическими обобщениями по кругу еще не обобщенных проблем, либо с постановками крупных проблем, представляющих значительный научный интерес». К пункту об ученых степенях имелось два примечания: к публичной защите докторской диссертации допускались лица, не имеющие ученой степени кандидата наук, но известные учеными трудами, открытиями или изобретениями; ученую степень доктора наук можно было получить и вовсе без защиты диссертации лицам, известным в мировой науке выдающимися достижениями. Фактически они отменяли защиту диссертации как обязательное условие для присвоения ученой степени. Этим примечанием широко пользовались для обоснования присуждения ученой степени без защиты диссертации.

Звание ассистента (младшего научного сотрудника) присваивалось лицам, успешно окончившим аспирантуру и ведущим научную или образовательную работу; звание доцента (старшего научного сотрудника) могло быть присвоено лицам, имеющим ученую степень кандидата или доктора наук и ведущим педагогическую или научную работу под руководством профессора (действительного члена); звание профессора (действительного члена) присваивалось лицам, имеющим ученую степень доктора наук, ведущим руководящую научную или педагогическую работу с доцентами или старшими научными сотрудниками. Правда, здесь же оговаривалось, что предъявляемые требования вступят в силу только с 1 января 1936 г.: «Установить, что с 1.1. 1936 года на должность профессора (действительного члена) и доцента (старшего научного сотрудника) ВУЗов, ВТУЗов и научно-исследовательских учреждений могут зачисляться только лица, имеющие соответствующую степень: доктора или кандидата наук» [14]. Этот двухгодичный «тайм-аут» был широко использован для присуждения ученых званий без защиты диссертаций всем научным и педагогическим деятелям, проявившим себя за годы советской власти.

О порядке присуждения ученых степеней и ученых званий написано следующее: звание ассистента (младшего научного сотрудника) присуждалось на основе решения совета ВУЗа или научно-исследовательского института; звание доцента (старшего научного сотрудника) и ученая степень кандидата наук присуждались научными советами ВУЗов или институтов и утверждались квалификационными комиссиями Наркоматов (решение Нарко-

мата в месячный срок можно было опротестовать в ВАКе ВК по ВТО ЦИК СССР); звание профессора (действительного члена) присваивалось на основе решений советов ВУЗов и научно-исследовательских институтов и квалификационных комиссий Наркоматов и утверждалось ВАКами Наркомпросов и Наркомздравов Союзных республик [12].

Об институциях, уполномоченных вести защиты диссертаций на соискание ученых степеней, а также об организации, утверждающей «особый список» таких институций, записано: «Публичная защита диссертаций на ученую степень производится в Академии наук СССР, Коммунистической Академии СССР, Академиях наук Союзных Республик, Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, а также в отдельных Вузах и научно-исследовательских Институтах по особому списку, утвержденному ВК по ВТО при ЦИК СССР совместно с Наркомпросами и Наркомздравами Союзных Республик» [14]. Таким образом, в постановлении «Об ученых степенях и званиях» нет ни слова о ведомстве Ученого комитета, кроме Коммунистической академии, в которое входили основные институты социально-гуманитарного профиля. Постановление на следующий день было опубликовано в «Известиях» и вступило в силу. Однако Ученый комитет продолжил борьбу за права своего ведомства.

14 января 1934 г. и.о. председателя Ученого комитета Ю.М. Стеклов рассылает ряд писем с требованием восстановить справедливость. Приведем здесь одно из них, адресованное Консультационному подотделу ЦИК СССР: «В этом постановлении совершенно позабыт Ученый Комитет и подведомственные ему научные и учебные учреждения, за исключением одной Комакадемии, которой предоставлено право самостоятельного присуждения ученых степеней и званий. Авторы постановления совершенно упустили из вида существование огромного числа научных и учебных учреждений, подведомственных Ученому Комитету, но не подведомственных ни Комакадемии, ни какому-либо народному комиссариату просвещения союзной республики. Стоит назвать такие учреждения, как 8 институтов красной профессуры, 12 институтов марксизма-ленинизма и их подготовительные отделения, 2 востоковедных института и т. д. и т. п. и ряд научных учреждений, входящих в систему Ученого комитета. Совершенно очевидно, что ни компетенция Комитета по высшей технической школе при ЦИКСС, ни компетенция отдельных наркомпросов союзных республик не распространяется на эти учреждения Всесоюзного и преимущественно гуманитарного характера, которые входят в систему Ученого Комитета» [15].

Стеклов просил УК предоставить подведомственным ему учреждениям те же права, которыми располагали ВК по ВТО и Наркомпросы республик по отношению к техническим учреждениям. Письма аналогичного содержания Стеклов выслал в адрес СНК, Юридического подотдела ЦИК СССР, лично Заместителю председателя СНК СССР тов. Куйбышеву [16].

Требования Ученого комитета получили частичную поддержку в следующем документе, утвержденном СНК СССР 10 июня 1934 г. – «Инструкции Комитета по высшему техническому образованию ЦИК СССР о порядке применения постановления СНК СССР от 13 января 1934 г.» [17]. В инструкции, в частности, зафиксировано разделение полномочий между организациями и ведомствами, ответственными за присуждение ученых степеней и

званий. Так, ученые степени в области социально-гуманитарных наук могли присуждать квалификационные комиссии наркомпросов союзных республик, Президиум Академии наук СССР (и академий наук Союзных республик), Президиум Комакадемии. Присуждать ученые степени по философии имели право только две последние инстанции.

В отношении ученых званий в инструкции записано: «Ходатайства о присвоении ученых званий подаются учебным заведениям или НИИ, где работает соискатель». К этому параграфу имеется примечание, определяющее роль Ученого Комитета в присуждении ученых званий в области социально-гуманитарных дисциплин: «Комитет по заведованию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР утверждает в ученых званиях по подведомственным ему научно-исследовательским институтам и высшим учебным заведениям» [17].

В документе имеется параграф, свидетельствующий о «временной необязательности» защищать диссертацию, чтобы при достаточном стаже работы или наличии трудов, «соответствующих диссертации», получить ученое звание. Таким образом устанавливался неопределенный период «межвременья», когда можно было занимать высокий должностной статус, не имея соответствующей научной квалификации: «Впредь лица, утверждаемые в ученое звание, имеющие достаточный стаж научно-исследовательской или педагогической работы, но не имеющие научных трудов, соответствующих диссертации, утверждаются временно исполняющими обязанности с указанием определенного срока для защиты диссертации. До истечения этого срока они пользуются всеми правами, связанными с ученым званием» [17].

На основе рассмотренных нормативных документов в 1933-1935 гг. начала функционировать гратификационная система науки и образования. Ученые степени по философии могли присваивать Президиумы АН СССР и Комакадемии, а утверждать — квалификационные комиссии наркоматов; ходатайства о присвоении ученых званий специалистам-философам рассматривались в вузах и научно-исследовательских институтах, утверждались Ученым комитетом. Но последнее обстоятельство имело отношение лишь к подведомственным УК подразделениям философского профиля, остальные по-прежнему находились в ведении ВК ВТО и наркоматов, в которых, как известно, специалистов по философии не было. Имеются выписки из протоколов заседаний ВАКа ВК ВТО за 1934 г., подписанные Г.М. Кржижановским, в которых отклоняются ходатайства об утверждении ученых званий профессоров и доцентов по диалектическому материализму (истории СССР, истории ленинизма, политэкономии, всеобщей истории и т. д.) из неподведомственных УК учреждений [18]. Мотив один и тот же — «за отсутствием научных работ, соответствующих диссертации на ученую степень». Научных работ и диссертаций по философии тогда действительно было мало, но тем не менее в данной ситуации такое обоснование выглядит формальным.

Несмотря на непроработанность гратификационной системы, а может быть, и благодаря этому, в первые годы после ее легитимации в философских подразделениях наблюдался бурный должностной рост при фактическом отсутствии кандидатских и докторских защит. Э.Б. Генкина, выпускница Института красной профессуры, вспоминала: «Многие икаписты первых выпус-

ков, когда диссертация еще не была обязательна, публиковали большие и серьезные исследования... но никаких диссертаций — ни кандидатских, ни докторских — не защищали, а стали крупными учеными, сначала действительными членами Комакадемии, с одновременным присуждением докторской степени, а потом членами-корреспондентами и академиками» [19].

До конца 1934 г. высшими аттестационными органами не было утверждено ни одного профессорского звания по социальным и гуманитарным наукам даже несмотря на широко использовавшуюся (с 1933 г.) оговорку: «Допустить к исполнению обязанностей профессора с обязательством защиты (в 1934 г. стали писать «представления». — *Л.К.*) до 1/1 1936 г. специальной диссертации на ученую степень доктора» [20]. Тем не менее на май 1933 г. и на апрель 1934 г. в ИКП философии с общей численностью административного и преподавательского состава в 61 человек работал 31 профессор и 23 доцента и ассистента [21]<sup>2</sup>. Присвоенные решением вуза звания профессора или доцента философии отражали выполняемую производственную функцию (и обеспечивались соответствующей повышенной оплатой), но чаще всего не соответствовали уровню научной компетентности работника, не имевшего ученой степени кандидата или доктора наук, а порой и законченного высшего образования.

В 1935 г. среди преподавателей Институты красной профессуры появились профессоры и доценты по кафедрам философии, чьи ученые звания были утверждены Ученым Комитетом: доценты О.С. Войгинская, Я.Н. Секерская, А.А. Цимбалист, Б.Ю. Сливкер [18, л. 30, 37, 55, 56]; профессора М.Н. Корнеев, М.Д. Каммари, В.Ф. Берестнев, Е.П. Ситковский, Ф.В. Константинов (все «с обязательством представить диссертацию на ученую степень доктора к 1/1-1937 г.»), А.М. Деборин, В.Ф. Асмус, Н.И. Челяпов (по кафедре истории социальных учений), П.Ф. Юдин, И.К. Луппол, М.Б. Митин [18, л. 41, 56].

Ученые степени кандидата или доктора философии в рассматриваемый период чаще всего присваивались без защиты диссертации (или с обязательством ее представить); в случае, когда звание профессора (или даже должность) уже присвоено, ученая степень доктора, а иногда кандидата и доктора, присуждалась как бы «вдогонку», — поскольку этого требовали нормативы и статус ответственного должностного лица<sup>3</sup>. Последнее главным образом относится к высокопоставленным чиновникам, работавшим в науке, образовании или партийно-идеологических органах, служебное положение которых «притягивало» к себе и другие регалии.

Нами изучены биографические данные профессоров и преподавателей философии, которые в исследуемый период работали в Институтах красной профессуры (философии, истории, экономики, советского строительства и советского права, мирового хозяйства и мировой политики, литературы и языка, подготовки кадров, Ленинградском отделении ИКП) и Институте философии Ленинградского отделения Комакадемии — всего 51 человек [23]. Из них в 1933-1935 гг. 32 человека занимали должности профессора или заведующего кафедрой, 1 работал в должности доцента, 8 — в должности преподавателя и 10 человек были лекторами или руководителями семинаров. Из архивных материалов следует, что лекторами и руководителями семинаров тогда чаще всего по совместительству работали лица, которые по основной

должности были профессорами или преподавателями. 47 преподавателей имели высшее образование, 3 — незаконченное высшее и 1 вообще не учился в каком-либо учебном заведении: в анкетной графе написано «самообразование». Три профессора с незаконченным высшим образованием совмещали преподавание в ИКП с ответственными постами: заместителя директора ИКП философии, заведующего Отделом журнала «Под знаменем марксизма», преподавателя Военной академии им. М.В. Фрунзе; преподаватель с самообразованием занимал должность доцента. Большинство получили высшее образование в Институтах красной профессуры, причем, как правило, завершили учебу в 1928-1932 гг. 13 человек закончили другие высшие учебные заведения: Комвузы, Томский, Белорусский, Киевский, Свердловский университеты, Педагогический университет им. Герцена; трое учились за границей — в Парижском, Софийском и Колумбийском университетах.

Из 32 человек, работавших в должности профессора или заведующего кафедрой, только 9 имели ученое звание профессора, утвержденное Ученым Комитетом. Как свидетельствуют архивные источники, это произошло в 1935 г. 7 человек имели официально утвержденное звание доцента, 35 — не имели ученого звания. Среди профессоров и доцентов, преподававших в ИКП и Институте философии ЛОКА, в 1933-1935 гг. не было ни одного кандидата или доктора наук. Профессура и доцентура фактически имели статус должностей, а не ученых званий.

\* \* \*

Таким образом, несмотря на введение института защиты диссертации и вместе с ним признание автономности внутренней научной экспертизы, созданная в 1930-е годы в СССР система аттестации научных кадров имела в значительной степени имитационный характер и использовалась в качестве научного аналога административно-политических чинов. Такая двойственность важнейшего для научного сообщества регламента воспризнания заслуг стала причиной неконсистентности «человеческого» и институционального компонентов научного знания и соответствующих ценностных образцов, а также типов карьер. С этого времени научные ранги стали присваиваться с защитой диссертации, без защиты диссертации и даже с инсценировкой защиты, и уже нельзя было отличить настоящего профессора от профессора мнимого. А реальные научные заслуги и квалификация специалистов получали и поныне получают воспризнание в иной, неформальной, системе координат, вовсе не связанной с гратификационной системой. На протяжении десятков лет ВАК СССР и диссертационные советы боролись и поныне борются за повышение качества квалификационных работ специалистов науки и образования, однако механизм этой борьбы нисколько не отличается от механизма присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий «без защиты диссертации», по принципу выведения в чины.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникин А.В.* Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 62-69.
2. *Иванов Е.А.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М.: Российская академия наук, Институт российской истории, 1994.

3. Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917-1938 гг.). Уфа: Башкирское книжное издательство, 1973.
4. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики». Ст. № 789 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М.: Изд-во народного комиссариата юстиции. 1918. № 72.
5. «Об ученых степенях и званиях». Ст. № 30 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М.: Изд-во народного комиссариата юстиции. 1934. № 3.
6. «Об ученых степенях и званиях». Ст. № 83 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М.: Изд-во народного комиссариата юстиции. 1937. № 21.
7. «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех вузах РСФСР». Ст. № 119 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М.: Изд-во народного комиссариата юстиции. 1921. № 19.
8. «О подготовке технических кадров народного хозяйства». Ст. № 65 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М.: Изд-во народного комиссариата юстиции. 1930. № 6.
9. Материалы по реорганизации вузов, втузов, техникумов и рабфаков СССР. М., 1930.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7668. Оп. 1. Д. 742. Л. 3.
11. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 887. Л. 10.
12. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 854. Л. 8-10.
13. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 854. Л. 4.
14. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 854. Л. 5.
15. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 854. Л. 41.
16. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 854. Л. 42, 44, 45.
17. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 854. Л. 65-67.
18. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2446.
19. Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки. Историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 262.
20. ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-126.
21. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 727. Л. 6, 11.
22. Синецкий А.Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М.: Гос. изд-во «Советская наука», 1950. С. 119.
23. ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 756, 1165-1168, 1171, 1173, 1174, 1177, 1205, 2446, 2578, 2586, 2587, 2612, 2618, 2623, 2642, 2648, 2659, 2668, 2677, 2678, 2680.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Многие известные ученые не получили свидетельств об образовании. Например, выдающийся биолог Н.В. Тимофеев-Ресовский не имел не только ученой степени, но и «высшего образования».
2. По данным на 1 января 1947 г. возраст большинства профессоров общественно-политических и философских дисциплин (53%) составлял 40–49 лет; известно также, что в это время 89,2% специалистов указанного профиля закончили вузы после 1924 г. [22, с. 119]. По-видимому, речь идет о рассматриваемом нами профессиональном сообществе.
3. По данным А.Я. Синецкого, в течение года (начиная с 1934 г.), ученая степень доктора наук присуждена 112 чел., из них 91 — без защиты диссертации; за 1934-1936 гг. эту ученую степень получили 345 чел., из них после защиты всего

67 чел.; в 1937 г. она присуждена 460 чел., из них 277 после защиты докторской диссертации [22, с. 88].